

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПРИРОДНЫХ РЕАЛИЙ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРОЕКЦИИ ЯЗЫКА

© Лилия Усманова, Гузель Нуруллина

SEMANTICS OF THE NAMES OF NATURAL REALITIES IN ETHNOCULTURAL LANGUAGE PROJECTIONS

Liliya Usmanova, Guzel Nurullina

The article studies the reflection of ethnic and cultural consciousness in the connotative semantic variations of fictional speech and analyzes the traditional associative-figurative palette of the lexeme "snow" in I. A. Bunin's fictional discourse. In the space of fictional texts, figurative semantics of the given name tends to objectification, expanding and getting richer in accordance with the author's intention and textual consistency.

The presented paradigm of the images of snow reveals the properties of its prototype and explicates new properties and attributes of the denotation on the basis of its systemic and non-systemic relationships created by the author's consciousness. Based on the considered set of associations related to snow, we reveal Bunin's understanding of the semantic multidimensionality of the being, its complexity and multifaceted relations between man and the world. It is noted that the textual realization of words in fictional discourse leads to the integration of various aspects of reality and recreates the author's perception of the world, based on the inseparable, interpenetrating unity of its objective and subjective, logical and sensual, rational and emotional phenomena.

The research is based on the synthesis of traditional and modern methods for analysing the realization of a literary word in discourse: component analysis, discourse-text analysis of names, as well as cognitive-hermeneutic text analysis, which enabled us to identify correspondences, existing between the units of the text, the information coded by them, and mental structures behind this information, or their elements by studying the nature of connections between them.

Keywords: ethnocultural consciousness, authorial picture of the world, fictional discourse, associative-imaginative and emotional-evaluative meanings, figurative models.

В статье рассматриваются проблемы отражения этнокультурного сознания в коннотативно-смысловых вариациях художественной речи, анализируется традиционная ассоциативно-образная палитра лексемы «снег» в рамках художественного дискурса И. А. Бунина. Выявляется, что образная семантика данного имени в пространстве художественных текстов имеет тенденцию к опредмечиванию, расширяясь и обогащаясь в соответствии с авторским замыслом и текстовой системностью.

Представленная парадигма образов снега вскрывает свойства его прототипа и эксплицирует новые свойства и признаки денотата на основе его системных и несистемных связей, возникших в авторском сознании. На основании рассмотренного комплекса ассоциативов снега авторы выявляют бунинское понимание семантической многомерности бытия, сложности и многоплановости отношений человека и мира. Отмечается, что текстовая реализация слов в условиях художественного дискурса приводит к интеграции различных аспектов действительности и воссоздает авторское восприятие мира, основанное на неразрывном, взаимопроникающем единстве объективного и субъективного, логического и чувственного, рационального и эмоционального.

Исследование строится на синтезе традиционных и современных методов анализа дискурсивной реализации художественного слова: компонентного, дискурсивно-текстового анализа имен, а также когнитивно-герменевтического анализа текста, что позволяет выявить соответствие, существующее между единицами текста, кодируемой ими информацией и стоящими за этой информацией ментальными структурами или их элементами посредством изучения характера связей между ними.

Ключевые слова: этнокультурное сознание, авторская картина мира, художественный дискурс, ассоциативно-образные и эмоционально-оценочные смыслы, образные модели.

Наблюдаемые в последние годы изменения в научной парадигме, в том числе и сдвиг фокуса внимания лингвистов от денотации к концептуализации [Падучева, с. 635–646], ставят во главу угла исследования, касающиеся выявления и описания связей между языковыми единицами и концептуальными структурами, которые хранят в сознании носителей языка знания о мире. Немаловажными среди них являются природные феномены как объективно существующие явления, характеризующиеся определенными особенностями. Древнейший пласт слов, относящийся к природной лексике, имеет глубокую национально-культурную специфику, связан с восприятием действительности и определенным образом отражает познание мира и место в нем человека. Изучение данных слов в когнитивно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах дает возможность приблизиться к более полному осмыслению языковой картины мира носителей языков, позволяет «улавливать особенное соотношение предметов и понятий, общих всем людям и культурам» [Гачев, с. 47], проясняет осмысление индивидом своего места в социуме, определяет его принадлежность к определенной культуре.

Рассмотрение с этих позиций наименований явлений природы дает возможность выявить национально специфичные образы, отражающие русскую ментальность. По мысли Г. Д. Гачева, «каждая национальная целостность есть Космо-Психо-Логос, то есть тип местной природы, национальный характер народа и склад мышления, которые находятся во взаимном соответствии и дополнительности друг к другу» [Гачев, с. 9]. В связи с этим изучение языкового поведения названий природных явлений есть путь к расшифровке уникального «тембра» русского этноса «в оркестре мировой культуры» [Там же]. При этом анализ стратегий текстового семантического варьирования слов данной группы, восходящих к архетипам мышления и концентрирующих знания об окружающем мире, есть способ познать законы «единого устройства Бытия», поскольку «Природа и Культура находятся в диалоге: и в тождестве, и в дополнительности» [Там же].

Сферой наших интересов является исследование принципов систематизации окружающего мира в языковом сознании и описание стандартных и личностных образных номинаций явлений природы, которые составляют языковой и образный ассоциативно-символический слой понятия.

Фольклорное и мифологическое наполнение наименований природных явлений указывает на способ восприятия окружающего мира древним человеком, показывает, как «представлялась че-

ловеку его собственная мысль» [Потебня, с. 91], вычленяет важные с прагматической точки зрения стороны того или иного явления природы. Характерная для славянского мышления антропоморфическая модель природы тесно связана с персонификацией, метафоризацией окружающего мира. По словам И. А. Афанасьева, «всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражением его воли, то отсюда он естественно должен был заключить о бытии другой воли (подобной – человеческой), кроющейся в силах природы» [Афанасьев, с. 59]. Такой интерпретирующий характер наивной картины мира как необходимая когнитивная основа адаптации человека к миру определил национальный способ восприятия и организации («концептуализации») мира русским этносом и нашел своеобразное преломление в языковом способе отображения действительности.

В последние десятилетия отмечается повышенный интерес к природной лексике в исследованиях российских и зарубежных ученых (В. С. Дмитриева, В. М. Касьянова, М. М. Кондратенко, О. Б. Пойда, И. А. Попов, И. Н. Суспицына, Л. Р. Супрун-Белевич, А. А. Уфимцева, Л. А. Усманова, Э. В. Чуева, M. Driessen, R. Hallig, W. von Wartburg и др.), наименования природных явлений рассматриваются исследователями как занимающие промежуточное положение между категориями вещи и признака, имеющие «смешанный ономаσιологический тип – субстантно-предикатный (вещно-признаковый)» [Никитин, с. 78].

Как отмечает А. А. Уфимцева, данные имена обособлены по характеру выражаемого знакового значения, материальный денотат этих слов членим, а идеальный денотат (представление, которое связано с данным именем) недискретен и по своему характеру связан с процессностью и вещественностью [Уфимцева, с. 124]. В. С. Дмитриева указывает на синкретизм предметной и событийной семантики слов, называющих природные явления, который проявляется не только в пределах разных ЛСВ, но и в пределах одного ЛСВ [Дмитриева, с. 7].

Наш материал показывает, что наименования природных явлений отличаются богатыми коннотативными смыслами, реализующимися, с одной стороны, в виде устойчивых формул языка (*солнце встает, гром гремит, ветер свистит, дождь / снег идет* и т. п.), с другой – как результат «преобразования в свете литературного воздействия» [Гак, с. 745] в виде абсолютно новых

элементов или образований по существующим в языке моделям, а также как оживленные старые формы. Как заметил В. Г. Гак, «отдельный писатель, создавая слово или форму, повторяет тот же эволюционный путь, который в свое время был пройден языком...» [Там же, с. 745–746]. Сказанное подтверждает идею В. фон Гумбольдта, что каждый язык обладает определенной внутренней формой, которая способна у разных носителей языка и даже в разное время порождать однотипные внутренние и внешние языковые формы.

Анализ объекта *снег* как реалии и как предмета образного описания на обширном материале художественной речи позволяет рассмотреть этот объект в его целостности, определить наиболее значимые признаки данного фрагмента мира для поэтического мышления того или иного автора. Эту цель и преследуют выбранные нами в качестве объекта исследования тексты замечательного стилиста, художника слова, певца русской природы – Ивана Алексеевича Бунина, непревзойденного мастера в области русского языка, пейзажная лирика которого, по словам О. Н. Михайлова, глубоко национальна, «крепкой закваской этого явились впечатления от родной Орловщины, Подстепья, среднерусской природы. Разумеется, они были лишь родником, давшим начало большой реке, но родником сильным и чистым... Осень, зима, весна, лето – в бесконечном круговороте времени, в радостном обновлении природы черпает Бунин краски для своих стихов. Его пейзажи обретают удивительную конкретность, растения, птицы – точность обозначений [Михайлов, с. 128–155].

Так, концептуальные признаки снега как реалии отражают представление о нем и как о процессе, и как о предмете (в широком смысле слова), следовательно, одни из них соотносятся с состояниями и действиями, а другие – со свойствами и качествами.

Осмысление снега в образе человека реализуется в рассматриваемом материале разнообразно. Облик человека или его действия, состояния привлекаются для передачи как физических свойств снега, так и чувств, охвативших лирического героя или персонаж. В некоторых случаях олицетворенный образ снега создается благодаря семантике глаголов, человек воспринимает мир природы сквозь призму своего мира, снег одушевляется, наделяется способностью видеть, звать и др., например: *Лишь снег да небо в ночь немую / Глядят из сада при луне? <...> Зовут их горный мир, зовут снегов пустыни* («Зимний день в Оберланде») [Бунин, т. I, с. 104].

Образы живых существ, привлекаемые для описания падающего снега, способны наиболее органично представить снег в движении. Метафорическая модель «снег – рой» представляет собой авторскую трансформацию традиционного образа снега в виде белых мух: *<...> сухие ветки плюща сонно качаются над окном моей комнаты. В ней, за стеклами, спокойным, ройным снегом горит лампа <...>* («Без роду-племени») [Там же, с. 403].

В зоне традиционного представления снега находятся контексты писателя, где дается информация о снежной массе, покрывающей поверхность, в них актуализируется одно из четырех состояний этого вида атмосферных осадков в виде модели «снег – земное покрывало, покров, пелена», например: *И поля покрылись белой, / Ровной снежной пеленою* («Песня о Гайавате. XIX Привидения») [Там же, т. VII, с. 137].

Самым распространенным словом, репрезентирующим образ покрова как могилы (модель «снег – саван»), являются лексемы *саван, траур, траурный*, которые получают своеобразное текстовое развертывание, дополняясь различными эмотивными смыслами: *Сквозь тусклость отдаления, снега – / Заоблачные царственные кражи / В холодных вечных саванах своих* («Атлант») [Там же, т. I, с. 174]; *Зал пуст, величав, полон словно тончайшим дымом, а она, густая, в своём хвойном, траурном от снега облачении...* («Жизнь Арсеньева. Юность») [Там же, т. V, с. 87].

Данная ассоциативная линия «снег – сон» (и шире – «снег – смерть») представлена в рамках стереотипной модели, связанной с мотивом смерти природы, восходящим к первообразным представлениям славян о Живе и Море – богинях, олицетворяющих жизнь, плодородие, весну и смерть, зиму, соответственно, что свидетельствует об особенностях упомянутого славянского дуализма, когда понятия жизни и смерти соединялись в одну идею жизненного начала. И времяисчисление древних славян, прежде чем они прибегнули к общим законам астрономического измерения времени, носило на себе печать того же происхождения от богов земного плодородия и бесплодия. Год, начинаясь весной с возрождением растительной жизни и оканчиваясь бесплодным отдыхом земли под снежным покрывалом зимней природы, разделялся на две главные половины – весны и осени [Шеппинг, с. 42–43]. Показательно, что само слово *снег* происходит от санскритского *shima* и отождествляется с зимой (*hima*).

Некрологическая семантика образа снега преломляется сквозь призму авторского миро-

ощущения, направленного на чувственное восприятие мира и комплексное его отображение: *Все забито снегом, все спит безжизненным сном под напевы степного ветра, среди зимних полей («В поле»)* [Бунин, т. I, с. 335].

В рамках указанной линии традиционная модель «снег – постель, лоно», соотнесенная с фольклорным образом, основанным на древних мифологических представлениях славян о снежном покрове как о постели [Афанасьев, с. 326], преломляется сквозь авторское сознание и получает индивидуальную интерпретацию, на уровне семантического развертывания контекста также соотнесенную с мотивом смерти: *Белеет снега мшистая постель, / В сугробах стынут траурные ели («Морозное дыханье метели...»)* [Бунин, т. I, с. 97].

В рассматриваемых текстах значимое место занимает описание верхнего слоя снежного покрова. Модель «снег – постель» трансформируется автором в образ одеяния для земли, что находит выражение в употреблении слов, денотативно и ассоциативно связанных с тканью, изделиями из ткани. Сравнение покрова с тканями предопределено наличием тех или иных свойств снега, в том числе направлено на характеристику поверхности снежного покрова, например: *Патриархально-царственные ткани – / Снегов и скал продольные ряды – / Лежат, как пестрый талес, на Ливане («Храм солнца»)* [Там же, с. 198].

При описании гладкой поверхности покрова задействованными оказываются разнообразными словесными средствами выражения, активно используются такие модели, как «снег – парча», «снег – атлас», «снег – шелк», «снег – бархат», например: *Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега <...> он шел и все любовался деревней, синими резкими тенями около строений и горизонтом зеленоватого неба над далеким лесочком в снежном поле <...> («Учитель»)* [Там же, с. 314]; *Снег гор – как шелк. По скатам из пещер / Текут стада. («Люцифер»)* [Там же, с. 226].

Основной характеристикой поверхности покрова является пушистость, чаще всего репрезентируемая прилагательным *пушистый*, существительными разных тематических групп, например, указывающими на шерсть животных или оперение птиц: *мех, пух*; называющими различные вещества: *пудра, мука, пыль, прах, соль, сахар, крупа, зерно*, которые обладают теми же признаками «пушистый», «рассыпчатый»: *Темный ельник снегами, как мехом, / Опушили седые морозы. («Темный ельник сне-*

гами, как мехом...») [Там же, с. 97]; *То дождь, то град, то снег, как белый пух («Северная береза»)* [Там же, с. 107]; *Пока <...> вносили покупки в рогожных кульках, пересыпанных сухой снежной пылью, как мукою, в комнатах нахолодилось и металлически запахло морозным воздухом («Сосны»)* [Там же, с. 437].

Расширение семантики происходит в рамках традиционной модели, так как, согласно этнолингвистическим исследованиям, соотнесение свойств снега с рассыпчатой массой обусловлено вхождением этого вещества в ряд объектов с семантикой множества (мука, песок, искры, звезды и т. п.); кроме того, в народном представлении происхождение снега связано с идеей наказания людей за их грехи [Славянские древности, с. 83–84].

Таким образом, И. А. Бунин дополняет новыми признаками отмеченную в языке парадигму образов снега и расширяет состав эстетически освоенных носителями языка компонентов. Выявленные направления концептуализации (антропоморфизм, зооморфизм, признаки предметов) и компаративные доминанты указывают на своеобразие индивидуально-поэтического мышления в восприятии и изображении реалий.

Слово в условиях художественного дискурса, репрезентируя в наиболее полном виде те структуры знания, которые хранят память предков о том или ином явлении реального мира, позволяет эксплицировать сложные мыслительные пространства нашего чувственного, культурного, национального и социального опыта. Как писал В. Одоевский, «когда мы говорим, мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми» [Одоевский, с. 142].

Список литературы

- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Древо жизни, 1982. 754 с.
- Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). М.: Воскресенье, 2006. 576 с.
- Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931). М.: Воскресенье, 2006. 480 с.
- Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 7. Переводы. М.: Воскресенье, 2006. 512 с.
- Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 445 с.
- Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 511 с.

Дмитриева В. С. Имена, обозначающие природные явления, в русском языке // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. С. 57–58.

Михайлов О. Н. Проза Бунина // Вопросы литературы. 1957. № 5. С. 128–155.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.

Падучева Е. В. Нужен ли семантике эпитет «когнитивная»? (О новых идеях и подходах в семантике) // Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Одоевский В. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 319 с. (Литературные памятники).

Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-и томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. 736 с.

Уфимцева А. А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986. 240 с.

Шептинг Д. О. Мифы славянского язычества. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. 301 с.

References

Afanas'ev, A. N. (1982). *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu* [The Slavs' Poetry Views on Nature]. 754 p. Moscow, Drevo zhizni. (In Russian)

Bunin, I. A. (2006). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 1. Stikhotvoreniia (1888–1911); Rasskazy (1892–1901)* [Complete Works in Thirteen Volumes. T. 1. Poems (1888–1911); Stories (1892–1901)]. 576 p. Moscow, Voskresen'e. (In Russian)

Bunin, I. A. (2006). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 5. Zhizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931)* [Complete Works in Thirteen Volumes. T. 5. Arseniev's Life. A Novel (1927–1929, 1933); God's Tree. Stories (1927–1931)]. 480 p. Moscow, Voskresen'e. (In Russian)

Bunin, I. A. (2006). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 7. Perevody* [Complete Works in Thirteen Volumes. T. 7. Translations.]. 512 p. Moscow, Voskresen'e. (In Russian)

Gak, V. G. (1998). *Iazykovye preobrazovaniia* [Language Conversions]. 768 p. Moscow, Shkola, Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Gachev, G. D. (1988). *Natsional'nye obrazy mira*. [National Images of the World]. 445 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Gachev, G. D. (2007). *Kosmo-Psikho-Logos: Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National Images of the World]. 511 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)

Dmitrieva, V. S. (2004). *Imena, oboznachaiushchie prirodnye iavleniia, v russkom iazyke* [Names, Denoting Natural Phenomena in the Russian Language]. Russkaia i sopostavitel'naia filologii: sostoianie i perspektivy: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 200-letiiu Kazanskogo un-ta (Kazan', 4-6 oktjabria 2004 g.): Trudy i materialy. Pp. 57–58. Kazan, Kazan. gos. un-t im. V. I. Ul'ianova-Lenina. (In Russian)

Mikhailov, O. N. (1957). *Proza Bunina* [Bunin's Prose]. *Voprosy literatury*. No. 5. Pp. 128–155. (In Russian)

Nikitin, M. V. (1988). *Osnovy lingvisticheskoi teorii znachenii*. [Fundamentals of the Linguistic Theory of Meaning]. 168 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

Odoevskii, V. (1975). *Russkie nochi*. [Russian Nights]. 319 p. Leningrad, Nauka. (Literaturnye pamiatniki). (In Russian)

Paducheva, E. V. (2009). *Nuzhen li semantike epitet "kognitivnaia"?* (O novykh ideiakh i podkhodakh v semantike) [Does Semantics Need the Epithet "Cognitive"? (On new ideas and approaches in semantics)]. *Paducheva E. V. Stat'i raznykh let*. 736 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Potebnia, A. A. (2000). *Simvol i mif v narodnoi kul'ture* [Symbol and Myth in Popular Culture]. 480 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

Slavianskie drevnosti (2012) [Slavic Antiquities]: *Et-nolingvisticheskii slovar' v 5-i tomakh*. T. 5. Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. 736 p. Moscow, Mezhdunarodnye ot-nosheniia. (In Russian)

Shepping, D. O. (2008). *Mify slavianskogo iazychestva*. [Myths of Slavic Paganism]. 301 p. Ekaterinburg, U-Faktoriia; Moscow, AST MOSKVA. (In Russian)

Ufimtseva, A. A. (1986). *Leksicheskoe znachenie (Printsip semiologicheskogo opisaniia leksiki)*. [Lexical Meaning (The Principle of Semiotic Description of Lexis)]. 240 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 03.03.2018
Поступила в редакцию 03.03.2018

Усманова Лилия Абраровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
usmanova77@rambler.ru

Usmanova Liliya Abrarovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
usmanova77@rambler.ru

Нуруллина Гузель Миннезифаровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nurullinagz@mail.ru

Nurullina Guzel Minnezufarovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nurullinagz@mail.ru